

Ван Шиюй

Интервью с Олегом Коростелевым

ВАН: Расскажите о вашей биографии, как вы начали научный путь в литературоведение? Почему именно с исследования литературы русского зарубежья? Из собственного интереса или по совету других?

ОК: Я родился в советскую эпоху в небольшом шахтерском городке на юге Западной Сибири, в Кузбассе. Очень рано, в четыре года, научился читать и всё детство провел за книгами, у родителей была большая библиотека. К тому времени, как стал студентом в Новосибирске, перечитал всё, что было можно, и заинтересовался тем, что было нельзя, — самиздатом и тамиздатом. Литература русского зарубежья была в то время неизведанным материком, о ней почти ничего не знали, поскольку с середины 1920-х годов она не пропусклась через границу и по сути была запрещенной в СССР. Тем более интересно было с ней знакомиться — запретное всегда притягивает. Позже, когда учился в Москве, на Высших литературных курсах, а потом в аспирантуре Литературного института, смог получить допуск в спецхран главной библиотеки страны, тогда она называлась Ленинской библиотекой, теперь РГБ. Там окончательно понял, что редкие попадавшие мне в руки эмигрантские издания — это капля в море, а русское зарубежье — огромный мир, чья литература и журналистика если не по количеству, то по качеству сопоставима с литературой метрополии или, по крайней мере, представляет собой важную часть русской литературы XX века, без которой ее нельзя понять во всей полноте.

Ну а с конца 1980-х годов литературу русского зарубежья стало можно по-настоящему изучать, писать о ней, переиздавать, чем мы с друзьями активно и занялись. Вот уже 30 лет этим занимаюсь, сперва в Литературном институте, потом в Доме русского зарубежья, теперь в Институте мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

ВАН: По сравнению с литературой метрополии, какими особенностями обладает литература русского зарубежья? Китайские исследователи призвали заново написать в ближайшие годы историю русской литературы XX века, с тем чтобы добавить в нее и литературу русского зарубежья; каков ваш взгляд на это и какие советы в этой связи?

ОК: Русская литература XIX века считается первой в мире. Но намного ли уступает ей литература XX века? Главное отличие в том, что литература XIX века была единой, а в XX веке она оказалась разделен-

ной на два потока, которые на протяжении десятилетий существовали параллельно.

В 1920–1930-е годы русская эмиграция создала себя отдельным государством без территории, со своим самоуправлением, своим языком, своей литературой, отличной не только от иностранных литератур, но и от советской, прежде всего по духовным устремлениям, а отчасти и по языку.

В России в эпоху эйфории 1990-х почти всеобщим было убеждение, что вот-вот, еще год–два–три, — и все эмигранты будут изданы, искусственно отведенная в сторону зарубежная ветвь литературы вновь объединится с метрополией, появятся не только фундаментальные труды по истории эмиграции, но и обобщающие исследования всей истории XX века. Многие торопились, боялись не успеть отметить. Всё оказалось сложнее. Разработка единой истории двух ветвей литературы натолкнулась на серьезные препятствия. Очень быстро выяснилось, что литература русского зарубежья не вписывается в выработанные ранее концепции, эмигрантский литературный процесс совпадает с процессом в метрополии лишь отчасти, но во многом самостоятелен, поскольку развивался автономно и независимо. Эмигрантский материал сопротивляется традиционным методикам, не укладывается в привычные схемы, и даже периодизация не совпадает. Но главное, оказалось, что для общей истории попросту не хватает материала: литературный процесс и в метрополии-то был недостаточно изученным для масштабных сравнений, а зарубежье и вовсе осваивалось точечно, поэтому вразумительных обобщений не получалось. Со временем разговоры прекратились сами собой — задолго до того, как задача была выполнена хотя бы отчасти. Сама по себе идея верная, и рано или поздно это должно быть сделано, но пока что, как показала практика, стоит ограничиться отдельными частями этой программы, то есть создать прежде истории отдельных ветвей единого литературного процесса; может быть, после этого их удастся и объединить.

ВАН: Расскажите о состоянии исследования литературы русского зарубежья в сегодняшней России. В Китае начали исследование литературы русского зарубежья с начала нового столетия, мы уже достигли некоторых успехов. Например, изданы собрания сочинений русских эмигрантов в Китае, но еще недостаточно из-за множества причин. Что вы знаете о русской эмиграции в Китае?

ОК: В России изучением эмигрантской литературы занимаются всего тридцать лет, по сути, совсем немного. За это время кое-что было

сделано, переизданы произведения большинства ведущих авторов, выпущены первые хроники, составлены кое-какие библиографии, появились справочники, учебники, антологии. Но тема далеко не исчерпана.

Больше других изучались русский Париж, русский Берлин и русская Прага, уже об эмиграции в США мы имеем очень расплывчатое представление, а Южная Америка, Австралия — почти полностью белые пятна. Русской эмиграции в Китае исследователи уделяли больше внимания, чем Австралии или Южной Америке, но не думаю, чтобы на данном этапе изучения можно было написать подробную и обстоятельную историю русской литературы в Китае, которая охватывала бы не только русский Харбин, который более или менее изучался, но и Шанхай, и другие места русского рассеяния. Мало и авторитетных справочников, как по людям, так и по изданиям. Периодика русских эмигрантов в Китае остается труднодоступной и недостаточно исследованной, она даже описана до сих пор не очень хорошо. Уж не говорю о возможности обстоятельного знакомства с комплектами этой периодики. Даже наиболее знаменитые издания, вроде харбинского журнала «Рубеж», редко представлены в России полными комплектами, а писать о том, чего не читал или читал фрагментами, исследователь вряд ли будет.

ВАН: Зарубежные русские литераторы внесли ценный вклад в сокровищницу русской литературы. По вашему мнению, что здесь самое важное? Вы начали свои исследования с литературной критики русской эмиграции, как можете охарактеризовать ее? Чем она отличается от критики метрополии и Запада? Перечислите наиболее известных критиков русского зарубежья и расскажите об их вкладе.

ОК: Эмигрантские писатели внесли большой вклад не только в русскую, но и в мировую литературу. Сейчас невозможно представить себе русскую литературу XX века без Бунина, Набокова, Цветаевой, Георгия Иванова. Но и в мировой литературе некоторые из русских эмигрантов оставили свой след. К примеру, американская литература XX века многим обязана Набокову.

Что же касается всей русской литературы, наиболее ценным вкладом эмигрантских литераторов можно назвать критику и эссеистику. За пределами российской империи после революции и гражданской войны оказалось несколько десятков видных критиков, среди них люди, которые могли бы составить честь любой европейской литературе: В.Ф. Ходасевич, Г.В. Адамович, В.В. Вейдле, П.М. Бицилли, К.В. Мочульский, Д.П. Святополк-Мирский, М.Л. Слоним, А.Л. Бем, Б.Ф. Шлёцер, А.Я. Левинсон и др. По крайней мере четверо из эмигрантских крити-

ков стали лидерами школ и оказали значительное воздействие на литературу русского зарубежья. По единодушному мнению современников и исследователей, наибольшее влияние на молодых писателей имели Г.В. Адамович и В.Ф. Ходасевич. В полемике с ними оттачивали свои позиции руководители других объединений: «Скит поэтов» (с 1928 года просто «Скит»; Прага, 1922–1940), которым руководил А.Л. Бем, и «Кочевье» (1928–1938), которым руководил М.Л. Слоним.

Если попробовать сравнить литературную критику двух ветвей русской литературы XX века, то можно сказать, что, за известными исключениями, в советской России преобладал тип социологической критики, в эмиграции же, опять за известными исключениями, тип критики эссеистической, философской, импрессионистической. После того как в советской печати стало почти невозможно высказывать независимое мнение, подлинная критика долгое время сохранялась только в эмиграции, где не было такой цензуры и редакторского давления, как в СССР.

Истории русской литературной критики посвящено гораздо меньше работ, по сравнению с другими жанрами. До сих пор не было не только удовлетворительного обобщающего труда о литературной критике XX века, но и многие частные проблемы остаются неисследованными. И прежде всего это касается эмигрантской критики, которую даже в специальных трудах большинство авторов либо игнорируют, вовсе отказываясь от ее рассмотрения за неимением достоверных сведений, либо объединяют с другими жанрами, чтобы проще было вести разговор о малоизученном явлении. Исследователи, обращающиеся к эмигрантской критике, сходятся на том, что стадия первичного накопления фактического материала все еще не закончена.

И действительно, нет не только истории эмигрантской критики, но и не собраны работы самих критиков, даже наиболее интересных и значительных: П.М. Бицилли (выходили тома его работ по истории, литературоведению, филологии, но критика остается несобранной), В.В. Вейдле, Г.П. Струве, Д.В. Философов, Б.Ф. Шлёцер, А.Я. Левинсон. Да что говорить, если даже самые главные критики не введены в оборот так, как они того заслуживают: В.Ф. Ходасевич, Г.В. Адамович, Д.П. Святополк-Мирский, А.Л. Бем, М.Л. Слоним. Большинство из них даже библиографий не имеет.

ВАН: Процесс становления и развития литературной критики русского зарубежья наиболее адекватно воспринят и проанализирован на материале периодических изданий, которые практически все были вовлечены в полемике, критические споры. На ваш взгляд, каково

соотношение между литературной критикой и периодикой русского зарубежья? Расскажите о ваших работах в этой области.

ОК: Критика всегда была тесно связана с периодикой. Менялись форматы: в эпоху главенства альманахов преобладали статьи, в толстых журналах ведущим литературно-критическим жанром становится обозрение, когда в структуре периодики на первый план вышли газеты, в критике стали превалировать авторские колонки. Но в любом случае критика в профессиональном значении этого слова могла существовать только в периодике. Литературные организации в эмиграции не так существенно структурировали текущую критику, как литературно-критические отделы периодики. Я бы не сказал, что «практически все периодические издания» были вовлечены в полемики. Многие из них ограничивались публицистикой и информированием читателей и вовсе не публиковали литературных материалов либо публиковали время от времени случайные. Лишь издания, имевшие хорошо поставленные литературно-критические отделы, оставили свой след в истории эмигрантской критики. Таких изданий было не так уж много, и большинство из них существовало в Париже.

Если для русского Китая, как и для русской Прибалтики, больше была характерна коммерческая направленность печатного дела, то Париж с начала двадцатых годов заслуженно считался политической столицей русской эмиграции. Именно здесь возникало наибольшее количество изданий «с направлением», как принято было выражаться у дореволюционной интеллигенции. Наиболее важные из них — «Последние новости», «Возрождение», «Современные записки», «Звено». Ведущие критики этих изданий и оказали наибольшее влияние на литературный процесс, а разные «направления» обусловили длительные полемики не только между публицистами, но и между критиками. «Последние новости» вели неустанные споры с «Возрождением» по всем вопросам, а многолетняя полемика ведущих критиков этих изданий Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича русскими эмигрантами воспринималась как одно из центральных событий литературной жизни.

ВАН: Расскажите, пожалуйста, какие работы вы с вашей группой сделали в сфере исследования и сбора материала литературы русского зарубежья? Можно ли познакомиться с каталогом, сайтом или библиотекой этих работ?

ОК: Я занимался преимущественно введением в научный оборот не публиковавшихся ранее архивных материалов. Это, прежде всего,

девять томов редактируемого мною альманаха «Диаспора», а также десятки других историко-архивных изданий. Ну, и в дружественных изданиях публиковал материалы из архивов России, США, Великобритании, Италии, Германии, Франции, Монако и др. Также готовил научные издания авторов русского зарубежья (Г.В. Адамович, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, Д.П. Святополк-Мирский, Д.И. Кленовский, В.С. Варшавский, В.С. Яновский, Р.Б. Гуль, А.П. Ладинский) и еще составлял библиографии, особое внимание уделяя росписям содержания эмигрантской периодики: «Звено» (Париж, 1923–1928), «За свободу!» (Варшава, 1921–1932), «Меч» (Варшава, 1934–1939), «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958) и др.

Помимо бумажных изданий, я занимаюсь и электронными, курируя ряд интернет-проектов, в частности, «Эмигрантика.ru. Русское зарубежье», «Сводный каталог периодики Русского зарубежья», сайты «Литературное наследство», «Литературный факт», «Академический Бунин».

В открытом доступе на сайте «Эмигрантика.ru» (www.emigrantika.ru) размещены все основные литературные журналы русского Парижа в полном объеме и в оригинальном виде, с представленной тут же историей рецепции этих изданий в тогдашней эмигрантской, советской и иностранной прессе, а также в позднейшей научно-исследовательской печати. Уточнена хронология, даты выхода отдельных номеров из печати и поступления их в продажу (что для нерегулярно выходящей периодики русского зарубежья всегда являлось набором больших и малых загадок, а потому представляет отдельный интерес для исследователей). В разделе «Литературные журналы русского Парижа» представлены 19 полных комплектов журналов (175 номеров), к каждому комплекту приложены библиография критических отзывов и полемических откликов на отдельные номера, а также перечни исследовательских работ об этих журналах. Очень хотелось бы продолжить работу и добавить к ним комплекты изданий русского Берлина, Праги, США, Китая.

А на другом сайте, электронный адрес которого отличается только одной буквой (www.emigrantica.ru), мы разместили «Сводный каталог периодики Русского зарубежья», на котором впервые попробовали собрать воедино сведения о всей периодике, выходившей за пределами России.

ВАН: Какие трудности вы встретили в процессе исследования и сбора материала?

ОК: Исчерпывающими коллекциями эмигрантской периодики на сегодняшний день не располагает ни одно из книгохранилищ как в Рос-

Олег Коростелев. Париж, лето 2017. Фото Марии Васильевой

сии, так и за ее пределами. Отсутствие полных комплектов русских эмигрантских газет и журналов и невозможность полноценно пользоваться имеющимися комплектами остается главной проблемой для изучения русского зарубежья и, шире, всей истории XX в. Даже имеющиеся в наличии издания зачастую недоступны для нормальной работы исследователя: разрозненные комплекты территориально находятся в разных хранилищах, часть из-за ветхости не выдается в ожидании реставрации (на которую обычно нет средств), подшивки газет почти во всех хранилищах не выдаются для ксерокопирования.

В сущности, мы располагаем лишь небольшой частью необходимой для исследователей информации, постепенно утрачивая и ее из-за того, что постоянно используемые редкие комплекты газет с каждым годом все более ветшают и рассыпаются. Положение можно назвать бедственным, если не хуже.

Все библиотеки Москвы располагают в совокупности менее чем двумя тысячами изданий (в 1999 г. в «Сводном каталоге периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы» было учтено 1726 изданий), причем многие комплекты неполны, а часто представлены лишь отдельными номерами. Библиотеки Санкт-Петербурга гораздо беднее, в региональных библиотеках нет и этого. Однако уже предварительный список изданий, подго-

товленный для Сводного каталога периодики русского зарубежья, перевалил за 6000 позиций. Иными словами, российские хранилища располагают в лучшем случае четвертью названий из всего репертуара периодических и продолжающихся изданий русской экстерииорики. Изучать периодику, не имея возможности с ней хотя бы ознакомиться, весьма затруднительно.

Впрочем, и большинство зарубежных хранилищ отнюдь не отличаются полнотой по части коллекций эмигрантской периодики. Наиболее крупные зарубежные хранилища также не могут похвастаться исчерпывающими коллекциями эмигрантской периодики, к примеру, знаменитая коллекция Berkeley насчитывает 600 изданий, многие еще меньше, лишь фонды Библиотеки Конгресса сопоставимы с общероссийскими.

Проблем хватает. Отсутствует сколько-нибудь полный выверенный перечень всех периодических изданий русского зарубежья, многие из которых известны только по упоминаниям в разных источниках. Вывешенный на сайте emigrantica.ru Сводный каталог — это только предварительная версия, для дополнения и уточнения которой потребуются совместные усилия библиотечного и исследовательского сообществ. Кроме того, далеко не все библиотеки и другие хранилища имеют печатные или доступные на Интернет-сайтах электронные каталоги своих коллекций периодических изданий. В Интернете чаще представлены сводные каталоги, в которых, как правило, отсутствуют какие-либо маркеры, позволяющие вычленить именно эмигрантские издания. Это относится и к отечественным, и к зарубежным организациям. Даже в таком образцовом информационно-библиографическом ресурсе и ценнейшем источнике сведений, как сводный каталог немецких библиотек *Zeitschriftendatenbank* (ZDB, <http://zdb-opac.de>), далеко не всегда указан язык издания, что помогло бы отсортировать релевантные издания хотя бы по этому признаку. В иностранных электронных (а зачастую и печатных) каталогах русские названия периодических изданий приводятся в библиографических записях латиницей, притом в разных версиях транслита, что затрудняет идентификацию. Впрочем, даже в описаниях одних и тех же изданий, сделанных разными хранилищами на русском языке, данные не всегда совпадают в силу неполноты имеющихся комплектов и отсутствия выверенных справочников (сведения обычно заносятся каждой из библиографирующих организаций всякий раз заново с имеющихся в наличии экземпляров и во многих случаях не показывают всей эволюции издания). Впечатляет и географическая разбросанность. По подсчетам составителя Международного сводного каталога рус-

ской книги (1918–1926) Е.К. Соколинского, из городов, занимающихся выпуском печатной продукции на русском языке, более четверти (162 места издания из 607) приходится на экстериорику. Ну а мест хранения этой продукции за рубежом гораздо больше по сравнению с числом мест издания.

ВАН: Вы пережили много социальных потрясений, в частности, распад СССР. После распада СССР литература русского зарубежья XX века снова вернулась в Россию. Известно, что в XXI веке русские эмигранты рассеяны по всему миру и создают свою культуру и литературу. На ваш взгляд, чем отличается литература русской эмиграции XXI века от XX века?

ОК: Русская эмиграция XX века была явлением прежде всего политическим, была порождена преимущественно политическими причинами. Соответственно, и существовала она до тех пор, пока эти причины не исчезли, т.е. пока был «железный занавес». К 1980-м годам разделение русской литературы на два потока перестало быть столь значимым, живущие за рубежом литераторы смогли приезжать в Россию, печататься в российских изданиях, а российские литераторы смогли свободно их читать и сами печататься за рубежом или выезжать туда на время или насовсем. Противостояния больше не было, стало не важно, где писатель живет и где печатается, а с появлением интернета это пространство и вовсе стало единым.

В XX веке ситуация была не просто трагической — исключительной. С 1920-х по 1970-е годы отъезд в эмиграцию был одним из важнейших событий всей жизни, обычно уезжали навсегда, понимая, что назад пути нет и надо начинать все заново. Это и породило литературу эмиграции как самостоятельную ветвь. Она находила свои основания в противостоянии литературе советской и в желании сохранить и продолжить традиции дореволюционной литературы. А в XXI веке литература русской Калифорнии или Аргентины продолжают оставаться такой же естественной частью единого литературного процесса, как сибирская проза или уральская поэзия.

ВАН: Как вы относитесь к соотношению литературы и критики? Как ваш опыт в области журналистики влияет на исследования периодики и литературы русского зарубежья?

ОК: Настоящая критика — равноправная часть литературы, это глубокие художественные произведения, которые можно и нужно читать

и перечитывать, как стихи и романы. Практический опыт в области журналистики вряд ли как-то сказывается на исследованиях, разве что помогает трезво смотреть на вещи и реально представлять финансовую, социологическую, психологическую и пр. стороны организации печатного дела.

ВАН: Тема вашей кандидатской диссертации — Георгий Адамович и литературная критика русской эмиграции. До сих пор в Китае еще нет исследования об Адамовиче, расскажите о нем. В Китае уже опубликован сборник стихов Ходасевича, как вы оцените стихи Адамовича?

ОК: Адамович, в отличие от своего ближайшего друга Георгия Иванова, не был по преимуществу поэтом, стихи он писал редко и трудно, и написал их совсем немного. Хотя они вполне самостоятельны и своеобразны, и два десятка стихотворений Адамовича по праву войдут в любую антологию, в истории литературы он останется прежде всего литературным критиком и эссеистом. Ну и еще вдохновителем «парижской ноты» — последнего серьезного явления в истории русской поэзии.

Об Адамовиче опубликованы сотни работ, не только в России или эмиграции, но и в США, Франции, Германии, Италии, Японии, Прибалтике, и такое внимание исследователей к его фигуре понятно — Адамовича невозможно вынуть из истории эмигрантской литературы, он ее в какой-то мере и создал, без него она была бы немного иной. И.А. Бунин назвал Адамовича «первым критиком эмиграции». На мой взгляд, он один из ведущих критиков и эссеистов всего XX века.

ВАН: Оглядываясь сегодня на свой научный путь, какие достижения и труды вы больше всего цените? Каковы ваши планы на будущее?

ОК: Наиболее масштабный из осуществленных проектов — много томник, посвященный лучшему эмигрантскому журналу «Современные записки» (Париж, 1920–1940): пять книг, четыре с половиной тысячи страниц, три тысячи триста писем полутора сотен важнейших авторов и редакторов русского зарубежья.

В прошлом году вышел «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)», работу над которым хотелось бы продолжить, как за счет хронологии (учитывая дореволюционный и послевоенный периоды), так и за счет географии (учитывая обе Америки, Австралию, Китай). Продолжают выходить под моей редакцией научные собрания сочинений Г.В. Адамовича (в 18 т.) и Д.С. Мережковского (в 20 т.), планируется приступить к подготовке академического собрания И.А. Бунина.

В старейшей и самой престижной академической серии «Литературное наследство», которая выходит с 1931 года и впервые публикует не печатавшиеся ранее архивные материалы русских классиков, сейчас готовится целый ряд томов из архивов русских эмигрантов. Только что вышла первая книга эпистолярия З.Н. Гиппиус, выходит новый бунинский том в четырех книгах по тысяче страниц каждая (первая книга только что увидела свет). В планах тома М.А. Алданова, И.С. Шмелева, Д.С. Мережковского.

Параллельно с подготовкой больших томов публикуются выпуски недавно созданной новой серии «Библиотека “Литературного наследства”». В числе уже вышедших первых выпусков серии переписка В.В. Набокова с М.М. Карповичем, сборник статей и публикаций о Д.С. Мережковском. В планах тома с эпистолярием Г.В. Адамовича и Д.П. Святополк-Мирского, дневник А.П. Ладинского, архив редакции и роспись содержания парижского «Звена» (1923–1928), сборники работ современных исследователей русского зарубежья и многое другое. А поскольку посвященных И.А. Бунину исследований оказалось много, была создана еще одна новая серия «Академический Бунин», первые два выпуска которой вышли в 2019 году.

Еще ряд необходимейших для полноценной работы проектов остается в отдаленных планах, в том числе: «Единая библиографическая база данных исследований и публикаций по Русскому зарубежью», «Сводная библиография русской экстерииорики», «Сводная электронная библиотека эмигрантских изданий», «Реестр архивных фондов Русского зарубежья».